

Опыт исторического словаря о российских писателях

Из разных печатных и рукописных книг,
сообщенных известий
и словесных преданий
собрал Николай Новиков

Предисловие

Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сей книги меня побудило. Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелию многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения. Ныне наступило то время, в которое неусыпным попечением премудрой нашей императрицы исправляются погрешности предков наших. Под бла-

гополучным владением Екатерины Великой Россия вступила на такой степень величества, что все иностранные народы счастием ее завиствуют и удивляются. Невольница татарская приводит в трепет Мустафу и Магомеда; погруженная прежде в невежество Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и искусства в ней распространяются, а писатели наши прославляются. Свидетельствуют сие многие подлинные наши на иностранные языки переведенные книги. Всякие известия, до российской истории касающиеся, иностранными народами принимаются со удовольствием. Между прочими в 1766 году некто российский путешественник сообщил в лейпцигский журнал известие о некоторых российских писателях, которое в оном журнале на немецком языке напечатано и принято с великим удовольствием. Но сие известие весьма кратко, а притом инде не весьма справедливо, а в других местах пристрастно написано. Сие самое было мне главным поощрением к составлению сей книги; но сколь сие трудно, благоразумный читатель и без моего о том объяснения рассудить может; исключая то, что первые следы во всяком деле пролагать трудно, должен я был большую часть наших писателей собирать по словесным только преданиям. Не в порицание неизвестному писателю, сообщившему в лейпцигский журнал описание наших авторов, упомянул я здесь о его известии и не в похвалу себе; но только для того, чтобы показать, сколь трудно в первый раз издавать такого рода сочинения. Мой словарь имеет свои погрешности и, может быть, столько же еще не достигает до достоинства своего имени, как и то известие, о котором я упомянул. Есть и такие в книге моей погрешности и недостатки, которые и сам я усматривал; но они остались неисправленными потому, что я не мог никак достовернейшего получить известия. И сие-то принудило меня в заглавии сей книги написать «Опыт исторического словаря о российских писателях». Я старался собирать имена всех наших писателей; но при отпечатании моей книги получил я еще о многих известие; а сие самое подает надежду, что и еще многие откроются. В таком случае остается мне просить вспомоществования в моем труде от моих читателей. Всякий любитель словесных наук, имеющий сведение о ком-либо из наших писателей, в сию книгу не внесенных, или в поправление изданного написав, может сообщить в письме к сочинителю сей книги, которое принято будет

с благодарностию и со удовольствием поместится в продолжение сего «Словаря». Я не исключая из сего и критик, на благоразумии и справедливости основанных: они тем приятнее для меня будут, чем более способствовать станут к приведению в совершенство сей книги. Если кто соблаговолит прислать такие письма из живущих в здешнем городе, те могут оные сообщить к переплетчику, у которого книга сия продаваться будет; а из других городов могут подписывать на имя сочинителя и посылать на почте, а мое старание будет получать оные с почтового двора. Чем более будет сообщено ко мне таких известий, тем больше удостоверюсь я, что труд мой от просвещенного общества заслуживает внимание.

Опыт исторического словаря

⟨•••⟩ Б а р к о в Иван (1732–1768) – был переводчиком при императорской Академии наук; умер 1768 года в Санктпетербурге. Сей был человек острый и отважный, искусный совершенно в латинском и российском языке и несколько в итальянском. Он перевел в стихи Горациевы сатиры, Федровы басни с латинского, драму «Мир героев» и другие некоторые с итальянского, кои все напечатаны в Санктпетербурге в разных годах, а сатиры с критическими его на оные примечаниями; также писал много сатирических сочинений, переворотов и множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много способствовали. Все сии стихотворения не напечатаны, но у многих хранятся рукописными. Он сочинил также «Краткую российскую историю», от Рюрика до времен Петра Великого, но она не напечатана; также сочинил он описание жизни князя Антиоха Кантемира и на сатиры его примечания. Вообще слог его чист и приятен, а стихотворное и прозаические сатирические сочинения весьма много похваляются за остроту.

⟨•••⟩ К а н т е м и р , князь, Антиох (1709–1744) – родился во Цареграде 10 сентября 1709 года от князя Димитрия Кантемира и Смарагды Кантакузены, дочери князя воложского, происшедшего от древних греческих императоров сего имени. В 1711 году, по заключении с турками мира, следовал он при отце своем за Петром Великим в Россию, и по прибытии пожалованы были князьями Российской империи. В 1722 году был он при отце своем в походе к Дербенту, и во все сие время младый Кантемир упражнялся в

науках и в познания христианского закона. Смерть отца его хотя причинила ему печаль, но не истребила склонности к наукам. В 1724 году в новоучрежденной Петром Великим Санктпетербургской Академии наук выслушал порядочный курс вышних наук, в коих оказал чрезвычайные успехи. Мафиматике учился он у славного Борнулия, физике у Бильфингера, истории у Бейера, нравоучительной философии у Гросса, а стихотворству у Ильинского. С равными учениями соединял он и чтение священного писания; ведая же, что в России всякий дворянин должен вступить в военную или в штатскую службу, чего ради и записался он лейб-гвардии в Преображенский полк и дослужился тут до обер-офицера. В 1731 году императрица Анна Иоанновна назначила его министром к великобританскому двору, куда он и отправился генваря 1 дня 1732 года чрез Немецкую землю и Голландию; и, сколько время ему позволяло, ничего на пути не упустил, что могло только достойно быть столь наблюдательного ока. В Голландии запасся он хорошими книгами; и в то же время поручил он книгопродавцу в Гааге издать в печать «Описание Оттоманской империи», сочиненное отцом его. Слава о ученом человеке еще прежде его прибытия в Лондоне распространилась, а по приезде его в тот город скоро узнали все, что он и великий политик. Начало его переговоров было весьма благополучно, потому что он в краткое время привел дела в такое состояние, как оба двора того желали. Время, оставшееся ему от министерских дел, употреблял на просвещение своего разума. В 1738 году назначен он был во Францию в характере полномочного министра и пожалован камергером; а в конце декабря месяца того ж года определен чрезвычайным послом при французском дворе.

Дела, происходившие по кончине императрицы Анны Иоанновны, привели князя Кантемира, как министра, отдаленного от своего двора, в некоторое затруднение; однако при всех бывших тогда переменах оказал он себя столь искусным политиком и поступал столь благоразумно, что в равной милости содержан был у императрицы Анны Иоанновны, у принцессы правительницы и у императрицы Елисавет Петровны; все оказывали к нему равные знаки своего благоволения. Первая пожаловала его камергером, с жалованьем не во образец прочим; вторая тайным советником, в котором достоинстве последняя его подтвердила, обещая впредь явщие награждения.

В Париже первое его старание было познакомиться с учеными людьми. Цветущие лета, коим бы надлежало быть склонным к тамошним забавам, препроводил он по большей части как философ. Слыша рассуждения его о политических делах, науках и художествах, не можно было не удостовериться о превосходности его знаний и об основательности его разума. Он был строгий наблюдатель христианского закона и для сего читал наилучшие книги, касающиеся до веры и благочестия, признавая, что философия влечет человека к добродетели только словами, а христианский закон самым делом путь к ней отверзает.

С 1740 года почувствовал он внутреннюю болезнь, которая от часу умножалась; и хотя он в пище весьма был воздержан, однако желудок его ничего уже варить не мог. В 1741 году ездил он к Апенским целительным водам; в 1743 году поехал было к Пломбиерским водам; но, будучи не в состоянии оными пользоваться, возвратился в Париж гораздо в худшем состоянии. Потом при умножавшейся болезни искал он помощи у разных докторов, но получил очень мало. По совету их хотел он ехать в Италию для перемены воздуха, почему и просил от российского двора позволения; но как в пересылках просьбы и позволения прошло несколько недель, то князь Антиох не был уже в состоянии отправиться в путь по причине слабого здоровья и худой погоды.

Болезнь Кантемирова продолжалась близ полугодя; бывшую у него бессонницу прогонял он чтением книг; а когда представляли ему, что сие упражнение вредно его здоровью, то он ответствовал, что тогда только не чувствует болезни, когда в трудах находится. Охоту к чтению потерял он за три или за четыре дни до кончины своей; и сие самое совершенно удостоверило его о наступившей крайней опасности его жизни.

Последние дни его жизни употреблены были им на отправление христианской последней должности. Он сочинил духовную, в которой приказал, чтобы тело его по вскрытии было бальзамировано и отвезено в Россию для погребения в том же монастыре, где положен и отец его.

Он в совершенном был разуме до последнего издыхания, исправля последние должности христианские, и, призвав имя божие, скончался 11 числа апреля 1744 года, будучи 34 лет и 7 месяцев от рождения.

По вскрытии тела его усмотрено, что в груди у него была водяная болезнь. Россия сожалела о нем как о ревностном распространителе учреждений Петра Великого; двор сожалел о разумном и просвещенном министре; ученые оплакивали в нем знаменитого своего согражданина; а все честные люди соболезновали как о достойном приятеле. Князь Антиох сверх других природных дарований имел столь острый и просвещенный разум, что прозорливым своим рассуждением предусматривал успех почти всякого предприятия, как скоро только план его узнавал; а конец по большей части и соответствовал его догадкам. В отправлении политических дел поступал он праводушно и искренно, почитая лукавство за недостойное своего разума, и всегда до намерения своего достигал прямою дорогою, не оставляя, однако, потребного в случае благоразумия.

С первого взгляда казался он неприветлив; но сие нечувствительно исчезало, чем боле находил он таких людей, которых обхождение ему приятно было. Меланхолического его нрава были причиною долговременные его болезни; однако он не только что веселился с приятелями своими, но и за удовольствие почитал оказывать им действительные услуги. Часто говаривал он, что нет ничего приятнее, как употреблять знатность и силу свою на благотворение своему ближнему. Разговоры свои, в коих находилось больше основательности, нежели живости, умел он прикрашивать приятными шутками. Приятное его обхождение способствовало к наставлению других, но без всякого тщеславия и гордости. Политика его была непринужденная и утверждалась на здоровом рассуждении, а противную сему политику он крайне ненавидел. Любил сатиры, но такие, которые производили смех в разумных и добродетельных людях. Был купно и философ и эконом искусный. Он был нежного сложения и хотя непригож лицом, однако имел разумное и любовь к себе привлекающее лицо.

Российским, мултянским, латинским, итальянским, французским и нынешним греческим языками говорил он весьма изрядно; а притом разумел эллинский, гишпанский и аглинский языки. В стихотворстве упражнялся он хотя с самых молодых лет до своей кончины, но почитал оное упражнение не иначе, как забавою. В прочем стихи его были среднего российского стихотворства; но из всех того времени стихотворцев были наилучшие. Из многих его

сочинений на русском языке первое «Симфония на псалмы». Собрание его стихотворств, содержащее в себе сатиры, басни, оды, песни, письма и эпиграммы, приписанное императрице Елисавет Петровне, напечатано в Санктпетербурге 1762 года под именем «Жантемировых сатир»; «Петреиду», героическую поэму, оставил недоконченную; сочинил «Руководство к алгебре». Есть также письменные его сочинения о просодии, любовные песни и прочие стихотворения, писанные им в молодых еще летах. Переводы его с иностранных языков следующие: Фонтенеллевы «Разговоры о множестве миров» с примечаниями, напечатанные в Санктпетербурге 1740 года; Юстинова история, Горациевы письма, Анакреонтовы оды, преложенные российскими стихами без рифм; Корнелий Непот, Кевитова таблица, «Письма персидские», Епиктитово нравоучение и «Разговоры о свете» г. Алгаротти.

Сверх сего неизданные в свет, но несравненного достойнейшие почтения его сочинения политические, то есть министерские реляции и рассуждения, касающиеся до дел и прибытков знатнейших дворов в Европе. Вообще сочинения его весьма много похваляются. Феофан Прокопович, разумный и острый муж того времени, в похвалу его написал стихи, также и Феофил Кролик. Похвала их тем важнее, что она беспристрастна; а притом первая и от великого еще произошла человека; и тем паче, что в сатирах его, коим Феофан писал похвалу, осмеиваются по достоинству и духовные особы. <•••>

Л о м о н о с о в Михайло Васильевич (1711–1765) – статский советник, императорской Санктпетербургской Академии наук профессор, Стокгольмской и Бононской член. Родился в Колмогорах в 1711 году от промышленника рыбных ловлей. Юные лета препроводил с отцом своим, ездя на рыбные промыслы; но, будучи обучен российской грамоте и писать, прилежал он более всегда по врожденной склонности к чтению книг. И как по случаю попался ему псалтир, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству. Почему стал он наведываться, где можно обучиться сему искусству; услышав же, что в Москве есть такое училище, где преподаются правила сей науки, взял непременно намерение уйти от своего отца. К сему его побуждало и упорное желание его родителя, дабы женить его по неволе. Вскоре потом

исполнил он свое намерение: оставил дом родительский, пришел в Москву и вступил в Заиконоспасское училище, в котором с великим прилежанием обучался латинскому и греческому языкам, риторике и стихотворству.

В 1734 году взят он был из одного училища в императорскую Академию наук и отправлен в 1736 году студентом в Германию. По приезде в Марбург, что в Гессенской земле, поручен он был с товарищами своими Райзером и Виноградовым наставлениям славного барона Вольфа. В Марбурге пробыл он четыре года, упражняясь в химии и в принадлежащих к ней науках. Потом поехал в Саксонию и там под смотрением славного химика Генкеля осмотрел все горные и рудокопные работы, в горном округе производимые. Наконец возвратился он в Санктпетербург в 1741 году студентом же.

Около сего времени оказал он первые опыты столь гремевшего не только в России, но и в чужестранных областях лирического стихотворства, сочинив торжественную оду и несколько потом других. Между тем более всего прилежал к химии и к прочим ее частям и столько во оной успел, что от императорской Академии наук поручено ему было находящийся при Кунсткамере минеральный кабинет привести в порядок. Г. Ломоносов исполнил порученное ему дело с таким искусством, прилежанием и исправностию, что Академия, уважая его знание и труды, произвела его адъюнктом в 1742 году.

По произведении его продолжал упражняться он в химии; а в 1745 году, по указу из правительствующего сената, основанному на свидетельствах всех членов Академии наук, произведен он был профессором химии.

В 1751 году г. Ломоносов пожалован был коллежским советником. В 1752 году по данной ему привилегии учредил он бисерную фабрику и начал упражняться в мозаике; и как в России первый был он изобретатель мозаического искусства, то и поручено ему было трудиться в составлении большой мозаической картины, представляющей знаменитейшие дела Петра Великого. Г. Ломоносов окончал сей труд российскими материалами и мастерами, без всякой помощи от иностранных. К составлению сей картины изобрел он все составы и разные махины и оную сделал такой величины, какой мозаической картины по сие время в целом свете еще не бывало.

В 1751 году февраля 13 дня определен он был членом в академическую канцелярию; а в 1760 году февраля 14 дня поручены в полное его смотрение академическая гимназия и университет.

1764 года в декабре месяце г. Ломоносов пожалован был статским советником, в котором чину и пробыл он до кончины своей, воспоследовавшей 1765 года апреля в 4 день, к великому сожалению всех любителей словесных наук. Тело его с богатою церемониею погребено в Александроневском монастыре императорским иждивением, а на гробе его поставлен мраморный столп иждивением покойного канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова со следующими российской и латинскою надписями:

НАДПИСИ
В ПАМЯТЬ
СЛАВНОМУ МУЖУ
МИХАИЛУ ЛОМОНОСОВУ,
РОДИВШЕМОУСЯ В КОЛМОГОРАХ
В 1711 ГОДУ,
БЫВШЕМОУ
СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ,
ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
ПРОФЕССОРУ,
СТОКГОЛЬМСКОЙ И БОНОНСКОЙ
ЧЛЕНУ,
РАЗУМОМ И НАУКАМИ ПРЕВОСХОДНОМУ,
ЗНАТНЫМ УКРАШЕНИЕМ ОТЕЧЕСТВУ
СЛУЖИВШЕМОУ,
КРАСНОРЕЧИЯ, СТИХОТВОРСТВА
И
ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
УЧИТЕЛЮ.
МУССИИ ПЕРВОМУ В РОССИИ БЕЗ РУКОВОДСТВ
ИЗОБРЕТАТЕЛЮ,
ПРЕЖДЕВРЕМЕННЮЮ СМЕРТИЮ ОТ МУЗ
И ОТЕЧЕСТВА НА ДНЯХ СВЯТОЙ ПАСХИ
1765 ГОДА ПОХИЩЕННОМУ,
ВОЗДВИГ СИЮ ГРОБНИЦУ
ГРАФ
МИХАЙЛО ВОРОНЦОВ,
СЛАВЯ ОТЕЧЕСТВО С ТАКОВЫМ
ГРАЖДАНИНОМ
И
ГОРЕСТНО СОБОЛЕЗНУЯ
О ЕГО КОНЧИНЕ.

Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всем человечеству полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета. Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом. Бодрость и твердость его духа оказывались во всех его предприятиях; начав учиться иностранным языкам в таких уже летах, в коих многие за невозможность почитают в них упражняться, достиг он до великого совершенства. На немецком языке писал и говорил как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; а в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых. Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. Предприимчивость сколь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобретала похвалу. Он упражнялся во всех философических и словесных науках, в химии, с ее разными частями; а особливо прилежал к физике экспериментальной, которую и перевел на российский язык; в механике и в истории нашего отечества. Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды, надписи, поэма «Петр Великий» и похвальные слова принесли ему бессмертную славу. Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и ободрял их; во обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр, но при всем том был горяч и вспыльчив. Сочинения его следующие: две части разных стихотворений, содержат в себе духовные и похвальные оды, надписи, две песни героической поэмы «Петр Великий», похвальные слова и другие стихотворения; «Российская грамматика», «Риторика», «Краткий российский летописец», первая книга «Древней российской истории», краткое понятие о физике, «Металлургия», две трагедии, «Тамира и Селим» и «Демофонт», и ученые рассуждения о разных материях. Я не могу распространиться в похвале сему великому писателю; а довольно будет, когда сообщу из эпистол г. Сумарокова следующие стихи:

Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен...

И также стихи г. Поповского к его портрету:

Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Virgilius был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом россосв;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Из сочинений его переведены на иностранные языки следующие: «Грамматика» и «Российская история» на немецкий; «Утреннее...» и «Вечернее размышления о величестве Божиим» на французский; похвальное слово Петру Великому перевел он сам на латинский язык. Г. Ломоносов имел переписку со многими учеными людьми в Европе. Библиотека его и манускрипты по смерти его куплены его сиятельством графом Григорьем Григорьевичем Орловым.

Петров Василий (1736–1799) – титулярный советник и при кабинете ее императорского величества переводчик, много писал стихов, из которых «Ода на карусель», поэма «На победы российского воинства», оды «На победы российского флота при Хиосе в Морее» и «На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова», также письмо к г. генерал-майору и кавалеру Потемкину, так, как и другие его оды, эпистолы, надписи и случайные стихи, некоторыми много похваляются и напечатаны в разных годах в Санктпетербурге. Он перевел с латинского на российский язык Virgilius «Енеиды» первую песнь, которая также напечатана. Вообще о сочинениях его сказать можно, что он напрягается идти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова.

<...>

Сумароков Александр Петрович (1718–1777) – действительный статский советник, ордена святыя Анны кавалер и Лейпцигского ученого собрания свободных наук член. Различных родов

стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел он себе великую и бессмертную славу не только от россиян, но и от чужеземных академий и славнейших европейских писателей. И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина. Его эклоги равняются знающими людьми с Виргилиевыми и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде. Впрочем, все его сочинения любителями российского стихотворства весьма много почитаются, из коих стихотворные следующие: трагедии «Хорев», «Синав и Трувор», «Гамлет», «Артистона», «Семира», «Ярополк и Димиза», «Выше-слав» и «Димитрий-самозванец»; драма «Пустынник»; оперы «Алцеста», «Цефал и Прокрис»; прологи «Прибежище добродетели» и «Новые лавры»; три книги «Притчей»; великая книга разных стихотворений, содержащая в себе духовные и торжественные оды, эклоги и элегии и другие мелкие стихотворения; прозаические: комедии «Сора у мужа с женою», «Тресотиниус», «Третейный суд», «Приданое обманом», «Опекун», «Лихоимец», «Три брата совместники», «Ядовитый», «Нариис»; драма «Грешник»; описание стрелецкого бунта. «Трудолюбивая пчела», ежемесячное 1759 года сочинение, издано им и большею частию наполнено его стихотворными и прозаическими сочинениями; также писал он много разных стихотворений, напечатанных в других ежемесячных сочинениях.

Т р е д я к о в с к и й Василий Кириллович (1703–1769) – родился 22 февраля 1703 года и, с самых юных лет возымев превеликую склонность к наукам, путешествовал для просвещения своего разума в чужие земли на своем иждивении; и был во Франции, Англии и Голландии, обучался в Парижском университете порядочно разным наукам; и между прочим красноречию и истории учился у славного Роллена. В 1730 году, по возвращении в Санкт-петербург, определен был в императорскую Академию наук студентом; в 1733 году Академии наук секретарем, а в 1745 году по именному указу пожалован профессором красноречия. Сию почесть и достоинство имел он первый из россиян. В 1763 году по прошению его уволен от службы и награжден чином надворного советника, в котором и пробыл до кончины своей, воспоследовав-

шей 6 августа 1769 года. Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу и первый в России сочинил правила нового русского стихосложения, много сочинил книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтобы одного человека достало к тому столько сил; ибо одну древнюю Ролленову историю перевел он два раза, потому что первого перевода тринадцать томов и еще многие другие книги в бывший в его доме пожар совсем сгорели. Приложенная роспись всем его сочинениям и переводам послужит сему в доказательство. Но он не только что исправлял рачительно все по его чину должности, но и сверх того трудился в историческом собрании три года; отправлял многократно должность секретаря, будучи уже профессором, и в то же время читал лекции в Академическом университете и отправлял должность унтербиблиотекаря. Притом не обинуясь к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам, а паче к стихотворству, причем был первый профессор, первый стихотворец и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на российский язык препозлезных книг. <•••>

Фон Визин Денис Иванович (1745–1792) – надворный советник при государственной коллегии иностранных дел. Сей человек молодой, острый, довольно искусный во словесных науках, также в российском, французском, немецком и латинском языках. Он перевел в стихи Вольтерову трагедию «Алзиру»; преложил по свойству наших нравов Грессетово сочинение «Сидней» стихами ж и написал много острых и весьма хороших стихотворений. Его «Послание к людям своим Шумилову, Ваньке и Петрушке», а другое «Матюшка-разносчик» свидетельствуют остроу его разума и тонкость в сатирах. Поэму «Иосиф» перевел прозою на российский язык с совершенным искусством. В переводе сем держался он важности славенского и чистоты российского языка. Его проза чиста, приятна и текуща, так, как и его стихи. Он сочинил комедию «Бригадир и Бригадирша», в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая

Тема 2. Тенденции развития критической мысли конца XVIII века

простая и естественная. Наконец, он сочинил слово на выздоровление его императорского высочества, которое за чистоту слога, важность и изображение мыслей весьма похваляется. В заключение о нем сказать должно, что Россия надеется увидеть в нем хорошего писателя. Он перевел также и много других книг, как то: «Жизнь Сифа», «Кариту и Полидора», «Сиднея и Силли» и другие некоторые.